

ЗИНАИДА ГИППИУС

ПОЭЗИЯ

НАШИХ ДНЕЙ

Зинаида Гиппиус
Поэзия наших дней

«Public Domain»

1925

Гиппиус З. Н.

Поэзия наших дней / З. Н. Гиппиус — «Public Domain»,
1925

«На моем столе 36 книжек стихов. И все они – стихи последних лет. Русская пореволюционная поэзия. И не эмигрантская. Лишь 4-5 здешних поэтов, из самых юных, остальные – или вполне «эсесерцы», старые и молодые, или «переходники»: книги их помечены «Берлин – Москва», а сами они – одной ногой здесь, другой там, пока не утвердятся обеими – там...»

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Зинаида Гиппиус

Поэзия наших дней

1

На моем столе 36 книжек стихов. И все они – стихи последних лет. Русская пореволюционная поэзия. И не эмигрантская. Лишь 4-5 здешних поэтов, из самых юных, остальные – или вполне «эсесерцы», старые и молодые, или «переходники»: книги их помечены «Берлин – Москва», а сами они – одной ногой здесь, другой там, пока не утвердятся обеими – там.

Новых книг новых поэтов не сорок, конечно, а сорок сороков, но с меня довольно и этих. Чтобы проследить общую линию современной русской поэзии, мне даже из этих не надо брать непременно всех (что и невозможно): мне нужны самые характерные.

А все-таки будем терпеливы, попробуем разобраться не спеша.

Вот поэты «старые», безвыездно находящиеся в России. Мандельштам, Кузмин... ценности в прошлом известные. Мандельштам, и раньше тяжеловатый – в последних книгах отяжелел непомерно, стал особенно условным, далеким. Рим, Геликон, Перикл, опять Геликон... Мимолетное напоминание вдруг, что поэт – «в черном бархате советской ночи, в бархате всемирной пустоты...». Не очень мягко, должно быть, этот бархат, потому что прорываются такие строчки:

Я от жизни смертельно устал,
Ничего из нее не приемлю...

Нежный Кузмин – с привычными Симонетами, трубочистами, пастушками. Хотя и привычные – но именно в Кузмине, в звуке его голоса, особенно ясна придушенность. Даже не знай мы, что есть у него другие песни – мы бы поняли, в каком он узле:

Связал меня узел,
Напало бессилье...

Но и это говорит не сам Кузмин, нет, Гермес...

Как страшна *сегодняшняя* стилизация некоторых поэтов. Гермесы и Саламины, Эпиры и Багдады, – как часто они лишь последнее изгнание родного слова из родной земли! Нет, не о всех русских поэтах имеем мы право судить по их последним книгам. Кузмин, Сологуб, Мандельштам и еще другие, – могла ли новая Россия никак не отразиться в их новых стихах? Я утверждаю, что не могла. Я утверждаю, что без физической удушенности их сегодняшние книги были бы не этими, а другими. Лишь телом остаются такие поэты в стране, чье имя зачеркнуто. Сердце их, – слово живое, – оттуда изгнано.

Вспоминаю молодого Георгия Маслова (его книжка тоже передо мною). По каким Багдадам странствовала бы теперь его муза, не погибни в Сибири этот чистый стихотворец, нежный любовник родины, ее истории, ее речи? Может быть, и хорошо, что он погиб.

Я, впрочем, не отрицаю, что есть поэты, которые очень натурально занимаются и стилизацией, и красотами всяких дальних стран, не посягая на большее. О таких – в России – я еще буду говорить; но их много и здесь, особенно среди «переходников». Они разны по возрасту, по искренности и по степени близости к окончательному переходу в советскую Россию. Одни, действительно, ничего сказать не имеют кроме –

Цепь орхидей. Ротанговый узор.
Кричит павлин. Блеснули Гималаи...

Другие без особенного усилия, сами отказываются от всего, что не Гималаи и даже, если еще и не едут сами в СССР-ию, заранее считаются с ее «законами». Чтобы книжка их проникла туда, они добровольно блуждают по чужим векам, морям (любовные экскурсии также в ходу) и печатают свои книги здесь – по тамошней уродливой орфографии.

Поэты данного типа равно могут быть и талантливыми, и бездарными. Они не боятся, стремясь в Россию, участи Кузмина, «ослабевшего в узле». Для своего поэтического багажа им довольно той «свободы», которую они надеются встретить на родине. С другой же стороны – там легче следить за новшествами «новой» русской поэзии и не отставать.

Отстать – очень боится, например, Николай Оцуп (он был переходный, ни в тех – ни в сех, не знаю, в каких теперь). Природные свойства его стиха – известная простота, прямые линии; он их изломал, но, к удивлению, из нового приобрел только пошлость. Старается «видеть себя во сне медведем», уверяет, что ему после этого «стало трудно ходить», и тут же возвращается к завитку волос

За коралловым ухом,
Где кожа так душно пахнет,
Как дорожки Летнего сада,
Червонной вервеной листьев,
В холодеющем ветре поэм
Осенних поэм,
Елена!

Действительно, если медведи и холодеющие ветры вервен все, что он имеет сказать, – какой смысл петь их в Берлине? Никто и в Москве на это «слово» не посягнет.

От Оцупа – довольно грамотного и не без способностей, – через «голубые пурпур» примитивного Фастовича (не цитирую, жалея места) до нечленораздельных сонетов графомана Дукельского – все это одна линия. Дукельский, конечно, недоразумение; читать его взбухшую книгу не будут и там, куда он ее направляет (недаром позаботился, чтобы орфография была законная). Но писать по сонету в день, как пишет здесь, Дукельский может и там вполне невозбранно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.